

УДК 821.511.131

*А.А. Арзамазов***МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ *КЫЛДЫСИН* И *ШАЙТАН*
В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ**

В статье рассматривается место мифологических персонажей Кылдысин и Шайтан в творчестве современных удмуртских поэтов, олицетворяющих этнофутуристическое течение. Устанавливаются основные смысловые контексты художественной актуализации символов, определяется степень их семантической сопряженности с традиционной культурой удмуртского народа, христианским мировоззрением. Выявляется, что образы Кылдысина и Шайтана, отличающиеся неравномерной частотой стихотворного употребления, сопряжены с коллективным освоением новой постсоветской конфессиональной действительности, привлекаются для концептуального поэтического осмысления и описания эпохи 1990-х гг. Оба образа получают художественную реализацию в урбанистической поэзии, ассоциируются с городским пространством, могут являться социопсихологическими маркерами авторского высказывания. Лирическая востребованность рассматриваемых мифологических персонажей свидетельствует об интенсивном поиске удмуртскими поэтами синтетического языка, позволяющего выражать реалии нового времени на качественно другом уровне символической абстракции и обобщения.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, образная система, этнофутуризм, мифологические персонажи, традиционная культура, картина мира.

Мифологический пласт удмуртской литературы, отражающий сложное устройство духовной культуры этноса и своеобразие национальной словесности, является одним из ключевых образно-символических ресурсов, формирующих национальную художественную идентичность. Выявление и анализ этого среза литературы и творческой ментальности представляются перспективным, продуктивным направлением удмуртского литературоведения. Однако на сегодняшний день библиография обозначенной научной проблемы исчерпывается лишь отдельными статьями, отдельными неразвернутыми, но, бесспорно, важными авторскими прочтениями мифологического кода [1-3; 6; 10; 11; 14]. Концептуального систематизирующего взгляда на богатую мифологическую природу удмуртской словесности до сих пор нет.

Мифологическая выразительность удмуртской литературы (поэзии, в частности) в зависимости от «риторики эпохи», определяющей художественные приоритеты и смысловые центры, имела неодинаковое качество воплощения. Большое внимание традиционной культуре уделял в своем творчестве поэт и просветитель Кузубай Герд – в его стихах немало мифологических контекстов и подтекстов, фигурируют персонажи удмуртской мифологии, получают достаточно широкое текстуально-ситуативное распространение фольклорные образы. В системе социалистического реализма, который в течение многих десятилетий задавал тематику и обуславливал художественно-сюжетную прагматику национальной литературы, открытые мифологические гипертексты, восходящие к традиционному мировоззрению удмуртского этноса, были невозможны – они бы воспринимались как альтернативная советской модели мира, мыслительно опасная знаковая реальность. В условиях значительных идейных и коммуникативных ограничений советской эпохи происходит замещение одной системы ценностей и представлений другой, исконные удмуртские образно-символические коды подвергаются вытеснению социалистической эмблематикой. Речь может идти и о возникновении в структуре авторских идеологизированных текстов «двойного дна» референций: этнос, язык, невзирая на жесткие и искусственные внешние предписания, так или иначе проявляют себя, транслируют свою семантику.

В годы перестройки наблюдается стремительное обновление художественных интересов, осуществляется существенно-неизбежный пересмотр тем, задач, концепций развития национальной культуры. Всё большую творческую притягательность приобретают до конца неосвоенное мифологическое наследие народа, символические потенции фольклора. В начале 1990-х годов культурную жизнь Удмуртии начинает определять этнофутуризм – сложное модернизационное явление, сыгравшее ключевую роль в истории удмуртской словесности и искусства в целом. В этнофутуристически ориентированных произведениях значительное место отводится мифологии, которая воспринимается не столько как гетерогенная мировоззренческая действительность, сколько как источник новой образности, символической изобразительности. Многие произведения постсоветского времени свиде-

тельствуют о том, что понимание национальными писателями тонких материй религиозно-мифологической картины мира удмуртов является неполным, фрагментарным. Десятилетия идеологического пресса отрезали этнофора от историко-культурных ресурсов своего народа. Однако художественная потребность в этом своем – чужом, еще не обретенном языке письма очень значительная. Кажется естественным стремление удмуртского художника слова работать с приоткрывающимся мифофольклорным материалом, включающим механизмы культурной памяти. В рамках этнофутуризма складывается специфический многоуровневый художественно-мифологический дискурс, в котором образуют подобие целого противопоставленные друг другу миры – мир природы и урбанистическая повседневность, язычество, атеизм и православие, психологически взаимодействующие ощущение этнического освобождения и осознание социополитической уязвленности, чувство глубокой творческой нереализованности. Многовекторные ментально-социальные трансформации, переживаемые удмуртским народом, как нельзя лучше отражены в этих заново склеенных мифологических зеркалах этнофутуризма, где каждый «осколок» стекла показывает свою картинку, свое событие.

Осознавая масштабность аналитического рассмотрения мифологического плана удмуртской литературы, мы останавливаемся только на одном, волнующем нас аспекте – функционально-семантическом поле двух основных персонажей удмуртской мифологии (*Кылдысин* – *Шайтан*) в поэзии рубежа XX – XXI столетий. Наш выбор среди прочего продиктован и относительной простотой атрибуции объекта исследования, очерченностью художественной зоны поиска. Мифологические персонажи в структуре поэтических текстов почти всегда на виду, их внутритекстовое положение обычно «осложнено» авторской точкой зрения. В орбиту нашего исследования попали преимущественно этнофутуристические стихотворения П. Захарова и В. Шибанова, отличающиеся высокой концентрацией мифологической символики.

Религиозно-мифологические функции двух интерпретируемых символов, их фольклорные «отражения» описываются в работах В.Е. Владыкина [4], Т.Г. Владыкиной, Г.А. Глуховой [5]. В рамках данной статьи нет возможности подробно остановиться на функциональных репрезентациях *Кылдысина* и *Шайтана* в традиционной культуре удмуртов. Приведем наиболее важные содержательные характеристики рассматриваемых мифологических персонажей: «*Кылдысин* – Бог-творец, один из триады верховных божеств. В сформировавшейся триаде удмуртского пантеона бог плодородия (...) В древности жил среди людей, ходил по полям в образе старика в белой одежде» [5. С. 85-86]. Краткой «отправной» характеристики требует и образ *Шайтана*: «*Шайтан* – обобщенный образ отрицательного начала, зла (...) Специализированная роль злого начала – явление довольно позднее. *Шайтан* противопоставлен творцу-демиургу (*Инмар*)» [5. С. 141-142].

Образ *Кылдысина* в творчестве П. Захарова имеет неоднозначное художественно-текстуальное воплощение, перекликающееся с количественной горизонталью и качественной вертикалью актуализации символа *Инмар* (верховный бог удмуртов). В ранних стихах поэта *Кылдысин*, в отличие от *Инмара*, – редкий «гость» стихотворных сюжетов. Примечательно, что эти два образа вытесняют друг друга из пространства текстов, как правило, остается только один из них, второй самоустраняется. В книге П. Захарова «*Вож выж*» поэтическое бытование *Кылдысина* «измеряется» редкими упоминаниями, эмоционально окрашенными риторическими конструкциями. Например, лирическое «Я» сетует на то, что *Кылдысин* оставил, покинул его: «*Секыт мыным, эн нюртэлэ монэ. / Кылдысинэ, малы-о тон куштыд? / Та че вал мынам со адзонэ?...*» [7. С. 229] – «Тяжело мне, не давите на меня, / Мой *Кылдысин*, зачем ты меня покинул? / Такова была моя участь?...

Кылдысин является центральной фигурой одноименного стихотворения [8. С. 98-99] из сборника «*Карас*», пронизанного «токами» социальной раздраженности, несправедливости. *Кылдысин* здесь – не единственный субъект удмуртской мифологии, акантами художественного действия становятся Керемет и Албасты. Один из наиболее вероятных планов авторской семантики образа заключается в том, что *Кылдысин* олицетворяет собой всё удмуртское – культуру, язык, политическую элиту. Его подробно обозначенный низкий социальный уровень, ассоциация с бомжами, «кричащая» жертвенность говорят сами за себя и в целом отражают представления национальных писателей второй половины 1980–1990-х гг. о том, что удмуртский интеллигент обречен на жалкое существование, лишен элементарных условий для полноценного творческого самораскрытия и социальной реализации. Он сам себя ощущает и нарекает посмешищем общества. Стихотворение П. Захарова «*Кылдысин*» интересно своей смысловой многослойностью. Так, появление в тексте торжественно-победной христианской символики ведет к тому, что образ *Кылдысина* утрачивает центральное место. Так ху-

дожественно-поэтически акцентируется мысль автора о контрастирующей неравнозначности реального статуса двух этносов, культур, языков. Согласно индивидуально-авторской интерпретации, за образом Кылдысина стоит удмуртский народ, обиженный и угнетенный.

Наиболее высокая частота употребления образа Кылдысин наблюдается в книге «Кырмуш». При этом бросается в глаза сюжетно-семантическая разноплановость привлечения данного персонажа. В стихотворении «Туж чебер учкылэ жазегсин...» («Очень красиво смотрит гусиный глаз...») [9. С. 72] Кылдысин – один из участников глобального созерцания. Большое количество смотрящих субъектов, рефренные комбинации с глаголом *учкыны* (смотреть) позволяют автору развить мысль о масштабах обзримости, обзорности человеческого микромира, жизни. Всё находится под пристально-прицельным присмотром, всё вокруг и внутри созерцается, обозревается, никуда не спрятаться, не скрыться. Глаза, осмысленное зрение имеют небо и земля, животные, птицы, стены разрушенного деревенского клуба, двери, шкафы, потолок и пол. Пронизывающим зрением обладают потусторонние персонажи. Изображаемая ситуация всеобщего созерцания вписывается в особую концепцию природы, мироздания. Каждый живет своей жизнью, своими интересами, а человек – один из представителей этой странной когорты существ, наиболее уязвимый, незащищенный, постоянно попадающий под перекрестный обстрел чужих взглядов. Неслучайной представляется ситуативная сопряженность Кылдысина и локуса *межа*. В удмуртских мифологических представлениях связанный с полем, плодородием Кылдысин оказывается на меже, своеобразной полосе, соединяющей мир людей и потусторонний мир.

В достаточно объемном стихотворении «Мыно ваткаос, калмезьёс, аръёс...» («Идут ватка, калмезы, ары...») [9. С. 52-53] упоминается крезь (удмуртские гусли) Кылдысина как сакральный атрибут внутриэтнического единения, божественной отмеченности удмуртов. Вновь П. Захаров обращается к сценарию шествия – удмурты из разных исторических эпох, облаченные в разные одеяния и «экипированные» разным инструментарием, шагают навстречу своему будущему-прошлому. Смешанные хронотопы, синкретизм временных пластов – характерный для творчества Петра Захарова художественный прием, отражающий сложность, некоторую беспелляционность авторского восприятия истории, современности, судьбы своего народа.

Кылдысин – в центре стилизованного под песню стихотворения «Уг вуы жароплан» («Не прилетает вертолет») [9. С. 14-15], предваряемого обнажающими интертекстуальные связи эпиграфами из Габриэля Маркеса и текста песни рок-группы «Би 2» («Полковнику никто не пишет / Полковника никто не ждет»). В рассматриваемом произведении Захарова тем самым «забытым полковником» является Кылдысин. Текст стихотворения включает в себя куплеты и припевы. В припеве рефрено подчеркиваются одиночество Кылдысина, его ненужность своему народу. В куплетах – обрывки фраз, просьбы, мысли, наблюдений, в свою очередь иллюстрирующих одиночество этноса, забывшего о Кылдысине.

Образ Кылдысина сюжетно «разыгран» в стихотворении В. Шибанова «Мар-о луиз?» («Что случилось?») [13. С. 29], вошедшем в сборник «Ос» («Дверь») – один из ярких примеров удмуртской урбанистической поэзии. Лирический герой, испытывающий на себе давление городской среды, сталкивается с тридцатиэтажным антропоморфным великаном-туманом, олицетворяющим маргинальную сумрачно-темную, загрязненную и пронизанную сбывающимися негативными ожиданиями природу индустриального Ижевска. Новый мифологический гибридный персонаж стремится убедить «Я»-субъекта в том, что он его новый ангел-хранитель, реальный защитник и покровитель. Обращения к Кылдысину со стороны «Я» перестают работать, оказываются бесполезными – Кылдысина уже нет ни внутри сознания этнофора, ни вовне – урбанистическом космосе. Удмурт, выживающий в городе, пребывает во власти других мифологических сил, обречен на другую социальную и экологическую действительность:

Шайтан, в отличие от Инмара, в поэтических сборниках Петра Захарова – образ редкой авторской актуализации. Этот низкий количественный показатель вновь представляется странным, не отвечающим мифологическим интересам самого поэта, вектору развития литературы в целом. В стихотворении Захарова «Мургегон» («Мурчание») [7. С. 61] шайтаны играют с кошкой, управляют ее поведением, кошачьими глазами они всматриваются в человека. В одиннадцатом тексте цикла «Солэн зэмос сульдэрез» («Его реальный вид») [7. С. 83-84] Шайтан «пришивает цифры», он играет в неясную мифологическую игру, правила которой знает только он один. Эта игра предрекает человеку страдания, боль, бедность. В стихотворении Шайтан явлен в одном семантическом плане с такими экзистенциально-мифологическими категориями, как *эзель* «рок, судьба», *кулон* «смерть». Шайтан фигурирует в поэме П. Захарова «Шузи ожчи» («Глупый воин») [7. С. 249]. Только он знает природу экзистенциальных ме-

таний лирического субъекта. В рассматриваемом произведении обыгрывается константная в современной удмуртской поэзии тема неустроенности, неудовлетворенности – социальной, профессиональной. Вновь дается скептическая оценка своему этносу, непонимание своего этнического большинства еще отчетливее отражает комичность и наивность самопредставления лирического «Я»: *«А мон чебер, / Мон кадьёссэ / Уд шедьтэлэ вотякстанысь, / Мон котькуд чурелы быдэ / Вирме пызьыртйсько сюлмысь! / Шайтан, дыр, малызэ тодэ, / Лулы гизи-гизи лыдэ: / Учкылйсько мон уйёсы. / Кыззы толэзь монэн шу-дэ...»* [7. С. 249] – «А я красавец, / Таких, как я, / Вы не найдете в вотякстане. / Я в каждой своей строчке / Выжимаю кровь из сердца! / Шайтан, наверное, знает, почему / Моя душа свербит. / Смотрю я ночами, / Как месяц мной играет...». Важно подчеркнуть, что образ Шайтана исключен автором из двух последних поэтических сборников («Карас», «Кырмуш»).

Яркое художественно-поэтическое воплощение Шайтан получает в цикле В. Шибанова «Кышкыт памятник» («Страшный памятник») [12. С. 6-7]. Хорошо известный мировой литературе мотив оживания памятника здесь переигрывается. Речь заходит сразу о трех памятниках – реальном, явленном в сновидении и гипотетическом, который хочет изваять лирический субъект. Собранный по крупницам, восстановленный самолёт, снова рвущийся в бой, «склеенная» из атомов, готовая к взрыву бомба – проекции мифологического сознания авторского «Я». В его представлениях неживое часто становится живым, приобретает символические зловещие очертания. В триптихе Шайтан – случайно-неизвестный собеседник героя, с затаенным торжеством рассказывающий о восстановленном памятнике-бомбе. При этом лирический персонаж стремится изгнать Шайтана из своего сердца. Данный мотив – мотив изгнания – потом повторится в более поздних стихах. Стихотворение заканчивается интересным пассажем – автору думается, что Шайтан живет во взгляде каменных антропоморфных памятников.

В поэтическом сборнике «Ос» («Дверь») Шайтан вписан во фронтальный любовно-урбанистический сюжет большинства стихотворений. Жизнь героя осложнена непрерывным внутренним неприятием города, в котором не удастся найти себя, быть счастливым, любимым. «Я»-субъект Шибанова ищет знаки свыше, сам себе создает мифологические отражения происходящих событий. В стихотворении «Тыныд» («Тебе») герой обращается к женскому «Ты», возлюбленной, образ которой балансирует между явью и вымыслом. Призрачность, жестокость, заикленность на себе женского «Ты» обусловлены воздействием города. При первой встрече, случившейся во сне, лирическому субъекту облик девушки кажется дьявольским, «шайтанским»: *«Умой тодско нырысь пумиськеммес – / Шайтан тусьем потйд тон уйвотам...»* [13. С. 25] – «Хорошо помню нашу первую встречу – / С лицом шайтана ты явилась мне во сне...». В финальной части произведения следует примечательная с точки зрения художественного ассоциирования параллель – время мужского расцвета, мужской зрелости (удм. *кын корт куртчон дыр*) называется временем изгнания шайтана: *«Азьпалан ээмос секыт аръёс. / Бен, матэктэ ас шайтанэз жугон вакыт, / Удмурт сямен, кын корт куртчон дыръёс...»* [13. С. 26] – «Впереди по-настоящему трудные годы. / Да, приближается время избиения своего шайтана, / По-удмуртски, возраст, когда можно грызть замерзшее железо...».

Тема несчастной, неразделенной любви, переживаемой в городе, продолжается в стихотворении В. Шибанова «Огьякорка» («Общежитие») [13. С. 42-43]. Лирический субъект обращается к Шайтану за помощью – самостоятельно он не может выбраться из лабиринта любовных страданий и разочарований. В ярком урбанистическом произведении «Уртьёс» («Души умерших») обозначается связь столицы Удмуртии с Шайтаном – в Ижевске процветает «шайтанский» род: *«Ижын улэе шайтан выжы гинэ...»* [13. С. 38-39] – «В Ижевске оживает только шайтанское отродье...». Очевидно, что для поэта первостепенна аксиологическая знаковость рассматриваемого мифологического персонажа. Он олицетворяет зло, агрессию, несчастье, нереализованность, контекстуально сопряжен с пространством города.

Проанализированные примеры художественно-поэтической актуализации диады мифологических персонажей свидетельствуют о том, что этот символический пласт востребован современными удмуртскими авторами и вместе с тем фиксируется широта диапазона его привлечения. Мифологические персонажи Кылдысин, Шайтан в произведениях поэтов в действительности мало связаны с исконными религиозно-мифологическими представлениями удмуртского народа. Поэты оказываются не в состоянии выйти на уровень концептуального творческого понимания традиционной картины мира своего этноса. И возможно ли вновь вернуться к системе почти утраченного мировоззрения? В целом, наблюдается большое художественное желание оперировать «своими» символами, актуализировать, обозначить их хотя бы формально. Примечательно, что более репрезентативные контексты, более серьезные «мифологические аргументы» имеют место в случае с персонажами не первого, а

второго ряда. Кылдысин, Шайтан привлекаются удмуртскими поэтами в контексте творческого изображения эпохи, выразительного обозначения современности. Данные мифологические персонажи получают новое семантическое наполнение в рамках сложившегося урбанистического кластера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамазов А.А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (опыт анализа творчества П.М. Захарова). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 232 с.
2. Ванюшев В.М. Мифологические сюжеты и образы в удмуртской поэзии // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 159–170.
3. Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. Т 1. 302 с.
4. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
5. Владыкина Т.Г., Глухова Г.А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 320 с.
6. Зайцева Т.И. Проза Никвлада Самсонова: мифопоэтическая образность // Современная удмуртская проза (1980–2000-е годы). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 25-56.
7. Захаров П.М. Вожвыж: стихи, поэмы, переводы. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.
8. Захаров П.М. Карас (песни удмуртского шамана). Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.
9. Захаров П.М. Кырмуш: кылбуръёс. Ижевск: Инвожо, 2015. 79 с.
10. Зуева-Измайлова А.С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 372 с.
11. Ильина Н.В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006. 21 с.
12. Шибанов В.Л. Бертьсько уйшоре: кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 72 с.
13. Шибанов В.Л. Ос: кылбуръёс. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.
14. Шкляев А.Г. Литература мифа и мифы о литературе: о некоторых формах взаимоотношений литературы и мифа // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛУрОРАН, 2004. С. 171-177.

Поступила в редакцию 10.05.2018

Арзамазов Алексей Андреевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского Федерального Центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: arzami@rambler.ru

A.A. Arzamazov

MYTHOLOGICAL CHARACTERS *KILDYSIN* AND *SHAITAN* IN THE MODERN UDMURT POETRY

The article deals with the place of mythological characters Kildysin and Shaitan in the work of modern Udmurt poets, which embody the ethno-futuristic trend. The basic semantic contexts of the artistic actualization of symbols are established, the degree of their semantic conjugation with the traditional culture of the Udmurt people and the Christian worldview is determined. It is revealed that the images of Kildysin and Shaytan characterized by an uneven frequency of use are associated with the collective development of a new post-Soviet confessional reality. They are involved in the context of conceptual poetic comprehension, the description of the era of the 1990s. Both images receive artistic realization in the framework of urban poetry, they are associated with the urban space and can be sociopsychological markers of the author's utterance. The lyric demand for the mythological characters under consideration testifies to the intensive search by the Udmurt poets of a new synthetic language that allows them to express the realities of the new time in a qualitatively different level of symbolic abstraction and generalization.

Keywords: Udmurt poetry, system of images, ethno-futurism, mythological characters, traditional culture, picture of the world.

REFERENCES

1. Arzamazov A.A. Fenomen vizual'nogo v sovremennoj udmurtskoj poezii (opyt analiza tvorchestva P.M. Zakharova) [The phenomenon of visual in modern Udmurt poetry (the experience of the analysis of creativity P.M. Zakharov)]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN [Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch, RAS], Udmurt University, 2010.232 p. (In Russian).

2. Vanyushev V.M. Mifologicheskie syuzhety i obrazy v udmurtskoj poezii [Mythological plots and images in Udmurt poetry] // Udmurtskaya mifologiya [Udmurt mythology]. Izhevsk, UIIYAL UrO RAN [Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch, RAS], 2004. P. 159–170. (In Russian).
3. Vasil'ev S.F., Shibano V.L. Pod ten'yu zerpala (diskursivnost', samosoznanie i logika istorii udmurtov) [Under the shadow of the zerpala (discursiveness, self-consciousness and the logic of the history of Udmurts)]. Izhevsk: Udmurt University, 1997. Vol. 1. 302 p. (In Russian).
4. Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and mythological picture of the Udmurt world]. Izhevsk: Udmurtia, 1994. 384 p.
5. Vladykina T.G., Gluhova G.A. Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [Annual circuit: Rituals and holidays of the Udmurt calendar]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN [Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch, RAS], Udmurt University, 2011. 320 p. (In Udmurt).
6. Zajceva T.I. Proza Nikvlada Samsonova: mifopoeticheskaya obraznost' [Nikvlad Samsonov's prose: mythopoetic imagery] // Sovremennaya udmurtskaya proza (1980–2000-e gody) [Modern Udmurt prose (1980-2000-ies)]. Izhevsk: Udmurt University, 2006. P. 25-56. (In Russian).
7. Zaharov P.M. Vozhvyzh: stihi, poetry, perevody [Green bridge: verses, poems, translations]. Izhevsk: Izd-vo IzhGTU [Izhevsk State Technical University Publ.], 2001. 272 p. (In Udmurt).
8. Zaharov P.M. Karas (pesni udmurtskogo shamana) [Honeycombs (songs of the Udmurt shaman)]. Izhevsk: Invozho, 2010. 144 p. (In Udmurt).
9. Zaharov P.M. Kyr mush: kylburjos [Wild bee: poems]. Izhevsk: Invozho, 2015. 79 p. (in Udmurt).
10. Zueva-Izmajlova A.S. Udmurtskaya literatura v kontekste yazycheskikh i hristianskikh tradicij [Udmurt literature in the context of pagan and Christian traditions]. Izhevsk: Udmurt University, 1997. 372 p. (In Russian).
11. Il'ina N.V. Hudozhestvennyj mifologizm besermjanskogo poeta M. Fedotova v kontekste udmurtskoj literatury 1980–1990-h gg. [The artistic mythology of the Besermyan poet M. Fedotov in the context of the Udmurt literature of the 1980-1990s]: avtoref. dis. ...kand. filol. Nauk [Abstract of dissertation ... candidate of philological sciences]. Cheboksary, 2006. 21 p. (In Russian).
12. Shibano V.L. Bertis'ko ujshore: kylburjos [I come back at midnight: poems]. Izhevsk: Udmurtia, 1991. 72 p. (In Udmurt).
13. Shibano V.L. Es: kylburjos [Door: poems]. Izhevsk: Invozho, 2003. 56 p. (In Udmurt).
14. Shklyayev A.G. Literatura mifa i mify o literature: o nekotoryh formah vzaimootnoshenij literatury i mifa [Literature of myth and myths about literature: about some forms of relationships between literature and myth] // Udmurtskaya mifologiya [Udmurt mythology]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN [Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch, RAS], 2004. P. 171–177. (In Russian).

Received 10.05.2018

Arzamazov A.A., Doctor of Philology, Leading Researcher
Udmurt Institute of History, Language and literature of the Udmurt Federal Research Center UBRAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: arzami@rambler.ru